

РИТУАЛ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ

STUDIA PHILOLOGICA

Мастерство Луврской

УДК 811
ББК 81
Р 55

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

Составитель, ответственный редактор
Л. Л. Федорова

Редколлегия:
М. А. Кронгауз, Г. Е. Крейдлин, Л. Л. Федорова, И. А. Шаронов,
Е. Л. Бровка, П. С. Дронов, А. С. Левочская, С. И. Переверзева

Рецензенты:
д. ф. н. А. Н. Баранов, д. ф. н. Е. Л. Березович

Р 55 Ритуал в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и
отв. ред. Л. Л. Федорова — М.: Знак; РГГУ, 2013. — 512 с.,
ил. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0669-4

Сборник включает статьи по докладам международной конференции «Ритуал в языке и коммуникации», состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ в октябре 2009 г. В нем представлены работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей, посвященные разным аспектам изучения ритуала как в современной коммуникативной практике, так и в исторических свидетельствах, на материале русского и других языков, в современных и в традиционных культурах.

Для филологов и лингвистов, антропологов и историков, социологов и политологов.

The Proceedings are comprised of the contributions of Russian and foreign researchers to the International Conference on Ritual in Language and Communication (Institute of Linguistics, RSUH, October 2009). The articles are focused on various aspects of studying the ritual in modern communicative practice and historical evidence, in modern and traditional cultures, in Russian and in other languages.

The Proceedings are devised for philologists, linguists, anthropologists, historians, sociologists, and political scientists.

ББК 81

При оформлении переплета использован фрагмент картины
Веласкеса «Менины» (музей Прадо, Мадрид)

ISBN 978-5-9551-0669-4

© Авторы, 2013
© Знак, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

БЕССИЛИЕ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЗРЕЛОГО СОЦИАЛИЗМА*

ВРЕМЯ И МЕСТО

О власти языка над человеком и способах использования этой власти написано множество работ, которые относятся прежде всего к таким направлениям лингвистической и философской мысли, как общая семантика, прагматика и риторика. Более чем подробно описаны языковые явления и механизмы, позволяющие манипулировать сознанием адресата речи — отдельной личности или общества. В рамках этой проблематики исследуется и специфическая ситуация использования языка в тоталитарных обществах, в частности в бывших социалистических государствах.

В качестве «говорящего» (а точнее, активного пользователя языка) выступают реальные властные структуры, пытающиеся с помощью отмеченных языковых механизмов воздействовать на общественное и индивидуальное сознание и тем самым достигать определенных политических целей. При этом исследователь неизбежно должен учитывать не только языковые факторы, но и экстралингвистическую ситуацию, так что правильнее говорить не о языке как таковом, но о дискурсе — речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие в соответствующем событийном контексте.

Язык во многом определяет дискурс, но возможна и обратная связь: отдельные черты языка изменяются в зависимости от условий и целей его употребления. Иногда говорят об особом статусе этих изменений, т. е. фактически об особом политическом языке в тоталитарном обществе, называя его «язык лжи», «деревянный язык» (калька с французского термина *langue de bois*) или новояз (перевод английского слова

* Впервые: «Знак: Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина». М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 233—244.

В основе этой статьи лежит доклад, сделанный автором на конференции «Язык и власть, языки власти» в апреле 1991 г. в Тракае (Литва).

newspeak, введенного в романе «1984» Дж. Оруэллом; ср. также польский перевод — powo towa).

Остается, однако, много неясностей, поскольку, даже если согласиться с языковым статусом данного объекта, его черты достаточно сильно зависят от конкретного тоталитарного общества, от сферы употребления (ср. язык пропаганды, язык газетных передовиц, язык публичных выступлений и т. д.) и других факторов.

В настоящей работе предпринимается попытка семиотического описания социально-языковой ситуации, характерной для Советского Союза 1970-х — начала 1980-х гг., т. е. позднего правления Л. И. Брежнева, называемого в то время «развитым социализмом», а ныне «застоем». Ни один из этих терминов не отражает достаточно полно сущности этого периода, и при этом оба содержат весьма резкую оценку — соответственно положительную и отрицательную. В работе используется термин «зрелый социализм», также встречавшийся, хотя и реже, в пропагандистской литературе, ибо именно зрелость социалистического общества обеспечивала концентрацию семиотически значимых черт дискурса.

Ритуалы Новой эпохи

Непосредственно после революции произошло изменение функций многих социальных институтов. Такое изменение, в частности просто отрицание, продолжалось и по мере развития социалистического общества и достижения им зрелости. Причем отмирание функций далеко не всегда приводило к ликвидации соответствующего института. Из соображений престижа и в силу консервативности общество могло сохранять практически лишённые содержания социальные институты и действия (иногда заменяя старое название на новое, более подходящее к моменту), превращая их тем самым в ритуал.

К ярким примерам ритуализованных действий относятся выборы, социалистическое соревнование и многое другое. В них практически никогда не достигалась, а в действительности даже и не ставилась та цель, которая декларировалась устроителем ритуала — властью: «избрать», «устроить конкуренцию» и т. д. Впрочем, нельзя сказать, что ритуал был совершенно нефункционален. С его помощью зрелое социалистическое общество поддерживало иллюзию общественной жизни, точнее говоря, имитировало ее. Существовала и еще одна функция. Ритуал служил обязательной проверкой лояльности членов общества. Участие в ритуале означало пусть формальное, но тем не менее согласие участвовать в построении коммунизма, т. е. нести свою долю ответственности за происходящее.

Следует обратить внимание на одну характерную черту ритуала. Ритуал подразумевает стороннего наблюдателя, который и квалифицирует некое действие как ритуал. Изнутри, т. е. непосредственными участниками, ритуал, вообще говоря, может осознаваться не как ритуал, а как вполне полезная процедура (ср. отличие ритуалов и процедур по Э. Берну (Берн 1988)). Одно из благоприобретенных свойств советского человека состояло в том, что он мог ощущать себя и участником ритуала, и внешним наблюдателем одновременно. Менялась лишь степень осознанности этого ощущения. Именно этим свойством, по всей видимости, и обусловлено знаменитое оруэлловское «двоемыслие», а также изменение значения этого слова в зависимости от степени развития тоталитарного общества. Это же свойство порождает и особый советский юмор, малопонятный иностранцам, но об этом подробнее будет сказано позже.

В ритуале участники различаются по своим ролям, и в первую очередь по степени участия или степени активности. Для речевого ритуала естественно различать активную и пассивную роли, соответственно роли говорящего и слушающего. Хотя конечно же в реальной жизни речевые и неречевые роли перемешивались и составляли гораздо более сложную иерархию (например, на собрании: выступавшие с докладом, выступавшие в прениях, сидевшие в президиуме, готовившие доклады, голосовавшие «за», аплодировавшие и так далее до бесконечности). Различаются и способы борьбы с ритуалом: от неучастия до попытки разрушения ритуала изнутри (последние, впрочем, часто оказывались неудачными и превращались в своего рода сотрудничество с «хозяевами» ритуала).

Ритуализация захватила и общественную речевую деятельность. Всевозможные речи с высоких и невысоких трибун, выступления на съездах, конференциях, собраниях, а также диспуты на политические темы и передовицы в газетах не должны были, как правило, ни сообщать новой информации, ни способствовать выявлению истины, а являлись вполне образцовыми ритуалами. Общественная и политическая речевая деятельность была лишена информационного и игрового (часто свойственного политической жизни) аспектов. Все это не могло не оказать влияния и на сам язык.

Для ритуальной функции некоторые свойства языка несущественны, более того, некоторые существенные свойства языка просто неприемлемы для ритуала, поскольку разрушают его. С другой стороны, ритуалу могут быть присущи отдельные черты, нехарактерные или незначимые для обыденного дискурса. Этой причиной объясняется появление и закрепление в языке множества специфических элемен-

тов и, наоборот, вычеркивание важных явлений, например каламбуров и других игровых элементов языка.

Для отправления ритуала в зрелом социалистическом обществе уже не требовался обыденный русский язык, он даже в какой-то степени мешал ритуальным действиям. Появление новояза, описанное Дж. Оруэллом, — естественное следствие непригодности нормального языка для осуществления ритуала. Однако в реальном советском обществе новояз не вытеснил обыденный язык, а существовал параллельно с ним, так что можно с большим основанием говорить о диглоссии, впрочем достаточно привычной для России в разные времена.

Диглоссия на Руси

Диглоссия — это одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах и противопоставленных по шкале «высокое — низкое». Широко известна диглоссия, существовавшая в дворянском обществе в России в XVIII в., в которой участвовали русский и французский языки. Еще более ранняя диглоссия, имевшая место в Киевской Руси, описана Б. А. Успенским (Успенский 1983). Она заключалась в противопоставлении литературного церковнославянского языка и разговорного (с определенной точки зрения языческого) языка. Каждый из них имел свою сферу функционирования. Последний использовался в особое время в особых «низких» местах и имел специальные снижающие сигналы.

Интересно, что «низким» местом считалась, например, баня, а в качестве снижающих языковых сигналов могло употребляться русское сквернословие — мат. Эта ситуация с анекдотической точностью повторилась спустя несколько веков. Именно баня явилась местом освобождения от ритуального языка, причем не только для «народа», но и для партийной элиты, а одним из основных качеств «банно-партийного» общения было обильное сквернословие, недопустимое в торжественных ритуалах. По-видимому, правы те, кто в качестве одной из причин распространения русского мата в социалистическом обществе называет его компенсаторную функцию. Сквернословие, с одной стороны, подчеркивает тот факт, что разговор ведется не на новоязе, с другой — очищает от него.

В советском обществе периода зрелого социализма фактически имела место диглоссия, т. е. сосуществование двух языков (конечно, в том случае, если мы ограничиваемся носителями русского языка) — русского и советского русского. Об этом разделении пишет, например,

М. Геллер в статье «Русский язык и советский язык» в газете «Русская мысль» от 8 мая 1980 г. Сами эти названия напрашиваются по аналогии с «русскими» и «советскими русскими» писателями (как это писалось в энциклопедиях и учебниках), хотя можно также говорить и о русском социалистическом языке.

Русский советский язык использовался в советском ритуальном общении. Это язык, достаточно непостоянный по лексическому составу, сильно подверженный моде, задаваемой прежде всего образцами речи генерального секретаря и других высокопоставленных партийных работников, и все-таки представляющий собой отдельное и самостоятельное образование, грамматика и словарь которого еще не описаны.

Хотя между названными языками как будто бы нет непроходимой пропасти ни в структурном отношении, ни в отношении сфер употребления, тем не менее это два разных языка (впрочем, чтобы не спорить о терминах, следовало бы использовать более нейтральный термин «идиом»), обозначающий в современной лингвистике любое языковое образование, без претензии на статус отдельного языка), что особенно хорошо видно при столкновении их во времени и пространстве.

Можно описать эталонные ситуации употребления ритуализованного языка («выступления с трибуны» и т. п.). Однако возможно и последовательное использование двух описываемых языков в одном месте одними и теми же людьми практически без паузы. При этом действуют особые сигнальные механизмы, маркирующие изменение функциональной сферы и соответствующий переход от одного языка к другому. Среди этих механизмов могут быть и языковые, и неязыковые. Одним из главных таких маркеров является «серьезность» ритуала, подобающее изменение выражения лица, голоса, позы...

Чрезвычайно отчетливо описывает такой переход и возникшую коллизию между двумя языками А. Я. Яшин в знаменитом и некогда подвергшемся сильной критике рассказе «Рычаги» (1955). Колхозники, собравшись в правлении колхоза, беседуют о том о сем. Но в какой-то момент один из них, секретарь парторганизации, объявляет ритуал открытым. «Борода его расправилась, удлинилась, глаза посувели», «сухим, строгим и словно бы заговорщическим голосом» он произносит: «Начнем, товарищи! Все в сборе?» Как пишет далее Яшин: «Сказал он это и будто щелкнул выключателем какого-то чудодейственного механизма: все в избе начало преобразаться до неузнаваемости — люди, и вещи, и, кажется, даже воздух».

А. Вежицкая (Wierzbicka 1990) предполагает еще более сложное противопоставление «языков» в социалистической Польше, говоря о специальном антитоталитарном языке. Можно спорить о языковом

статусе описанных ею явлений, но, по-видимому, необходимо признать существование особых маркеров «антитоталитарности» («антиритуальности»). Это и упомянутое выше сквернословие, и ирония или языковые игры, осуществляемые с помощью языковых или речевых механизмов, например, по Вежбицкой, подчеркнутое употребление русских слов в польской речи, нестандартное словообразование и т. п.

Для русского языка эпохи социализма феноменом, типологически сходным с тем, который описан А. Вежбицкой, можно считать подчеркнутый переход в другой стиль речи, как в бюрократический, так и в просторечный. Интересно в связи с этим сопоставить как бы просторечные, но встречающиеся с особым ироническим выделением и в речи культурных носителей языка фонетические искажения двух главных идеологических антонимов: *советский* — *американский*.

НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ — НОВЫЙ ЯЗЫК

Задача лингвистического описания функционирования языков в тоталитарном обществе, как правило, сводилась к поиску языковых и речевых средств, позволяющих манипулировать сознанием адресата. Это, в первую очередь, использование в речи языковых единиц с ложной пресуппозицией, различного рода нарушения прагматических постулатов общения, приводящие к возникновению ложных импликатур, а также прямая ложь, закрепляемая постоянным употреблением. Следует заметить, что сама по себе ложь не создает какого-либо особого «языка лжи» (этот термин, несущий резкую оценку объекта, кажется достаточно бессодержательным и в силу этого более пропагандистским, чем научным), поскольку лежит вне языка и касается лишь его употребления.

Так, приговор сталинского времени «десять лет без права переписки», означающий в действительности расстрел, первоначально представляет собой юридическую формулу на обыденном языке в постоянно ложном употреблении, т. е. это регулярно воспроизводимая властью ложь. Значительно позднее, по мере осознания этой лжи, данная языковая единица фактически становится фразеологизмом с соответствующим смыслом, но между этими двумя периодами находится самое опасное переходное лингвистическое состояние. Перечисленные речевые приемы, безусловно, присущи языку власти, особенно в период становления и раннего развития тоталитарного государства (ранний социализм в Советском Союзе — время наиболее интенсивного обмана народа властью). Однако эти приемы нельзя абсолютизировать, поскольку они вытекают из природы языка и свой-

ственны отнюдь не только дискурсу тоталитарных государств. Любой естественный язык может использоваться для лжи, демагогии и т. п.

Более удивительный факт являют собой чисто лингвистические параллели между различными языками власти: советским русским языком и языком гораздо более недолговечного тоталитарного государства — Германии времен Третьего рейха (существует богатая традиция описания этого явления: (Cassirer 1946 и т. д.)), а также языками других социалистических стран (см., например, работы польской лингвистической школы: (Nowo towa 1985), (Bralczyk 1985) и др.). Многие совпадения практически невозможно объяснить исходя из внутренних законов развития языка, что же касается попыток социальной и исторической интерпретации тоталитарного дискурса, то это почти всегда лишь более или менее интересные гипотезы, не имеющие строгого научного подтверждения. Теория ритуализации дискурса и влияния его на язык находится в этом ряду. Не претендуя на единственность и всеобщность, она позволяет объяснить и проинтерпретировать многие языковые явления, характерные, в частности, для советского языка. В определенном смысле советский язык является образцовым, поскольку вполне соответствует тем целям, которым он служит.

Трудно сказать, насколько возможно интегральное описание ритуального языка, но, очевидно, продуктивным следует считать описание отличий ритуального языка от обыденного, что, может быть, точнее было бы назвать нарушениями правил языка, допустимыми при его ритуальном использовании.

Среди этих нарушений встречаются бесспорные аномалии, но, кроме того, и абсолютизация некоторых свойств и явлений языка, в том числе злоупотреблений какими-то словами, конструкциями и т. д., а также, наоборот, отсутствие некоторых свойств и явлений.

Наиболее общими принципами речевого ритуала надо признать предпочтительность прецедента перед какими-либо системными ображениями и категорическую недопустимость какой бы то ни было языковой игры, поскольку она разрушает ритуал.

Речевой прецедент (даже и противоречащий языковым нормам), имевший место в речи первого лица (страны, республики, области и далее везде) и вследствие этого санкционированный им, закрепляется в качестве «хорошего» языкового явления и в дальнейшем репродуцируется. Вообще же нужно сказать, что нарушения пронизывают весь язык и зафиксированы на всех языковых уровнях.

На фонетическом уровне — это копирование произношения генерального секретаря, в том числе знаменитое смягчение согласных в суффиксе *-изм*: коммунизм, ленинизм, и многое другое, многократно

отраженное в анекдотах. На графическом уровне — это идеологически правильное использование прописных и строчных букв: для «хороших» слов — прописные буквы (*Партия, Родина, Первомай* и т. п.) и, наоборот, обязательная строчная буква в слове *Бог*.

Что же касается морфологии и лексики, богатейший материал предоставляет исследователю советское словотворчество. Знаменитые сокращенные слова (*жилплощадь, комсомол, колхоз* — количество примеров не ограничено), обилие малопонятных аббревиатур — все это, по-видимому, служило совершенно определенным социальным целям. Хозяином языка была власть, и только она могла назначать имена, лишать имен, переименовывать, наконец, упрекать в незнании нового имени. Кто за чехардой имен: *ЖЭК, ДЭЗ, РЭУ* — мог уследить, как работает это таинственное учреждение, кто мог правильно написать какое-нибудь заявление, не обратившись к представителю власти и носителю советского языка — чиновнику (ср. также *ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ*; и уже сейчас *СССР, СНГ...*)? Переименование создавало иллюзию изменения, негодные объекты «как бы» уничтожались, появлялись же «как бы» совершенно новые объекты с положительными качествами. И это должно было внушать надежду.

Чрезвычайно сложен советский синтаксис, функцией которого, в частности, было скрывать отсутствие смысла. Синтаксические конструкции советского языка — это прежде всего шаблоны, среди которых царит принцип прецедента. Особую роль играют слова, сигнализирующие о ритуальных действиях, такие, например, обращения, как *товарищи, граждане*.

Но одно из самых принципиальных свойств ритуальной речевой деятельности заключается в десемантизации текста. Именно это свойство во многом определяет перечисленные выше изменения, происходящие на более поверхностных уровнях. Есть множество подтверждений этому. Десемантизация — это не полное обесмысливание. Так, например, слова ритуального языка часто теряют не весь смысл, но часть его, как правило сохраняя или даже приобретая оценочное значение (со знаком плюс или минус). Отсюда — длинные ряды синонимов или квазисинонимов, не являющихся таковыми в быденном языке. В качестве примера можно привести представительную группу синонимов со значением ‘хорошая связь’: *дружба, братство, семья, сообщество, единство, единение, сплочение* (ряд можно продолжить) — в контекстах типа *дружба народов*; или более новый ряд со значением ‘плохое лицо еврейской национальности’: *сионист, русофоб, масон, космополит, корчмарь, инородец...*

Десемантизация приводит к тому, что на ритуальном языке можно говорить лишь о самых общих и простых вещах. История КПСС (не

реальная, а опубликованная), в частности, представима как результат сложения простейших мифологических сюжетов (исчислимых по типу того, как В. Я. Пропп исчислил сказочные сюжеты) и ритуального языка, которым эти сюжеты излагаются. Парадоксальным образом ритуальная речь очень эмоциональна, ведь она содержит большое количество оценочных слов, практически лишенных содержания. Однако эмоциональность эта чисто ритуальная, т. е. фиктивная.

Еще одно важное проявление десемантизации заключается в обилии в советском языке имен собственных (или слов, приобретающих свойства имен собственных, — определенность, конкретную референтность и т. д.): *Партия, Политбюро, ЦК КПСС, Генсек, Комсомол, капитал, империализм, ЦРУ* и т. п. Употребление множества имен собственных (закрепляемое, кстати, с помощью упомянутых выше аббревиатур, прописной буквы и некоторых других лингвистических средств) позволяет вывести соответствующие объекты за пределы семантической системы языка, фактически подразумевает их существование (хотя в действительности они могут быть фикцией) и тем самым обеспечивает возможность создавать новую мифологию, не ограниченную системой значений обыденного языка.

Сегодняшние споры о том, что же такое *КПСС* (или *партия*), порождены во многом как раз тем, что в сущности речь всегда шла не об определенном понятии, а, скорее, о некоем мифическом существе, требующем почитания, служения, жертв и т. д. В результате манипуляций с именами собственными возникают совершенно неожиданные тождества разных в действительности объектов (как и в случае описанной выше синонимии): *Сталин — это Ленин сегодня; Говорим Ленин — подразумеваем Партия, говорим Партия — подразумеваем Ленин*.

Десемантизация текста затрудняет, а порой делает невозможным его пересказ. Советские тексты — и это хорошо знают студенты, сдававшие экзамены по общественно-политическим дисциплинам, — лучше заучивать наизусть.

Многие черты советского языка и ритуала постоянно высмеивались, пародировались, доводились до абсурда. Вообще отношения между ритуалом и юмором в Советском Союзе эпохи построения коммунизма были достаточно напряженными.

ЮМОР ПРОТИВ ВЛАСТИ И НАОБОРОТ

Как уже говорилось, одной из основных черт советского ритуала была его серьезность, так что юмор, смех и игра не только считались нежелательными в процессе ритуала, но и фактически уничтожали

его. Власть вставала на защиту ритуала, политический юмор приравнивался к антисоветской пропаганде и карался советским правосудием.

Рефлексия по поводу ритуализации жизни породила особый тип советского юмора, основанный на противопоставлении ритуализованного и обыденного поведения. Существует немало анекдотов и баек, а также юмористических рассказов более позднего периода, сознательно или бессознательно использующих этот механизм.

В песне А. А. Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира» доводится до сатирического абсурда прагматическое нарушение речевых норм. Клим Петрович, эталонный рабочий, от лица которого написана песня, зачитывает подготовленную для него речь (кстати, выступление «по бумажке» стало почти обязательным в советском ритуале):

А неспешно говорю и сурово: (Снова обязательная серьезность!)
Израильская, — говорю, — военщина
Известна всему свету!
Как мать, — говорю, — и как женщина
требую их к ответу!
Который год я вдовая,
Все счастье мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!..

Несмотря на полную нелепость ситуации с обыденной точки зрения, произнесение героем текста от лица женщины (речи перепутали) не нарушает ритуала. В зале «ни смешочков, ни вою», а Первый [секретарь] одобрительно кивает. Клим Петрович, чтобы не стать нарушителем ритуала (со всеми вытекающими отсюда последствиями), вынужден с полной ответственностью и серьезностью дочитать текст до конца. Юмористический эффект возникает из-за зазора между правильностью ритуального поведения и его абсурдностью с обыденной точки зрения, а также из-за «двоемыслия» советского человека, т. е. возможности совместить обе позиции — внутри ритуала и вне его. Непосвященный (например, многие иностранцы) воспринимает ритуал как бессмысленное немотивированное действие, а весь эффект сводится к нонсенсу, так что специфический советский юмор остается малопонятным.

Можно привести еще много примеров, использующих этот же механизм. Вот наиболее яркие из них. В рассказе С. Д. Довлатова

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

Раздел 1. Языковые и коммуникативные ритуалы в современной практике

Кронгауз М. А.

Бессилие языка в эпоху зрелого социализма 11

Борисова Е. Г.

Ритуальные компоненты в политической коммуникации 25

Шмелев А. Д.

Русский этикет и культурные скрипты:
константы и переменные 35

Брагина Н. Г.

Невежливость как ритуал
(речевые формулы антикоммуникативного поведения)..... 45

Голетиани Л.

Использование метакоммуникации в диалогах
с намеренным нарушением коммуникативных постулатов..... 57

Михайлова Т. А.

Шурин или *деверь*, или «Ой, я всегда их путаю!» 77

Васильева Н. В.

Дразнилки на имена: от фактических мини-ритуалов
к текстообразующим приемам 87

Шаронов И. А.

О социализации криков воодушевления 95

<i>Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И.</i>	
Невербальные ритуалы и их разновидности.....	105
<i>Крылова Т. В.</i>	
Невербальные проявления, связанные с ритуалами статуса и деликатности в наивном этикете	119

Раздел 2. Особые сферы современного ритуала

<i>Басовская Е. Н.</i>	
Ритуальные компоненты в ЕГЭ по русскому языку	137
<i>Ратмайр Р.</i>	
Элементы ритуала в собеседовании как новом жанре устной корпоративной коммуникации.....	149
<i>Котта Рамузино П.</i>	
Бизнес-дискурс в постсоветское время. Банки: этика и самопредставление	165
<i>Северская О. И.</i>	
Современный спортивный репортаж как ритуал иллюкутивного жертвоприношения	181
<i>Бялэк Э.</i>	
Словообразовательные и лексико-семантические особенности ника (на материале польских сетевых имен)	199
<i>Левкиевская Е. Е.</i>	
Прошение милостыни: старые культурные модели и новые языковые стратегии.....	209

Раздел 3. Национальная специфика ритуала и межкультурный аспект

<i>Ван Гауберген М.</i>	
Фатический элемент в ритуальной динамике	225
<i>Алпатов В. М.</i>	
Этикет в японском диалоге	231
<i>Мустайоки А., Протасова Е.</i>	
Финский ритуал: отражение в слове и поступке	239
<i>Фиалкова Л., Еленевская М.</i>	
Любимый праздник: Новый год в эмигрантской среде в Израиле.....	255

<i>Ларина Т. В.</i>	
Ритуал, ритуализованность и стиль коммуникации: межкультурный аспект	267
<i>Новицкая О. В.</i>	
Специфика вербальных форм приветствия и обращения в русском и нидерландском языках	279
<i>Янко Т. Е.</i>	
Просодия религиозного дискурса: «Отче наш» и «Pater noster»	287

Раздел 4. Ритуал в классических текстах и традиционной культуре

<i>Фролова О. Е.</i>	
Ритуал и пословица	305
<i>Шмелева Е. Я.</i>	
Речевой этикет в русском анекдоте	319
<i>Высоцкая В. В.</i>	
Ритуально-иерархические маркеры в повести Гоголя «Шинель»	327
<i>Пьянкова К. В.</i>	
К вопросу о коммуникативных функциях пищи (на материале славянской культурно-языковой традиции)	337
<i>Пименова Н. Б.</i>	
Словесный вызов на поединок в древнегерманских поэтических источниках	349
<i>Воронкина М. А.</i>	
Коммуникативное взаимодействие в архаическом ритуале жертвоприношения (на языковом материале «Яджурведы»)	361
<i>Лажути С. В.</i>	
Ритуал в средневековой персидской эпистолярной коммуникации (на материале поэмы Абулькаси́ма Фирдоуси «Шахнаме»).....	377
<i>Федорова Л. Л.</i>	
Отражение жестов в древних знаках письма	387
<i>Ершова Г. Г.</i>	
Скрытые функции какао в древней Мезоамерике	409

Котова А. А.

Опыт классификации шанских надписей на панцирях черепах.....	425
---	-----

Раздел 5. Из лингвистического наследия

Мартемьянов Ю. С., Шрейдер Ю. А.

Ритуалы и самоценное поведение. <i>Предисловие публикатора</i>	445
---	-----

Резюме.....	475
-------------	-----

Summary.....	489
--------------	-----

CONTENTS

From the editor 5

Part 1. Linguistic and communicative rituals in modern practice

Maxim A. Kronhaus

The impotence of the language
in the period of mature socialism 11

Elena G. Borisova

Ritual components in political communication 25

Alexei D. Shmelev

Russian etiquette and cultural scripts: constants and variables 35

Natalia G. Bragina

Impoliteness as a ritual
(colloquial cliché of non-communicative Behavior) 45

Liana Goletiani (Milan)

Metacommunication in an intentionally
non-cooperative dialogue 57

Tatyana A. Mikhailova

Shurin or dever —
«Oh, I never can remember the difference!» 77

Natalia V. Vasileva

Phatic mini-rituals: name taunts 87

Igor A. Sharonov

Social modifications of whooping with eagerness 95

<i>Grigory E. Kreydlin, Svetlana I. Pereverzeva</i>	
Nonverbal rituals and their species	105
<i>Tatyana V. Krylova</i>	
Nonverbal components of communication connected with rituals of status and delicacy	119

Part 2. Special spheres of modern ritual

<i>Evgeniya N. Basovskaya</i>	
Ritual components of The Uniform State Exam (USE) in the Russian language	137
<i>Renate Rathmayr (Vienna)</i>	
Ritual elements in job interviews as a new genre of oral corporate communication	149
<i>P. Cotta Ramusino (Milan)</i>	
Business discourse in the Post-Soviet Russia. Bancs: ethics and projection of corporate identity	165
<i>Olga I. Severskaya</i>	
Contemporary sports report as a ritual of illocutionary sacrifice	181
<i>Ewa Bialek (Lublin)</i>	
Polish internet nicks: a derivational and lexical semantic analysis	199
<i>Elena E. Levkievskaja</i>	
Begging alms: on the old cultural models and new language strategies	209

Part 3. Ethnospecific characteristics of ritual and intercultural aspect

<i>Martine Van Goubergen (Brussels)</i>	
The phatic element in ritual dynamics	225
<i>Vladimir M. Alpatov</i>	
Etiquette in the Japanese dialogue	231
<i>Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova (Helsinki)</i>	
The Finnish rituals as seen through the words and gestures	239
<i>Larisa Fialkova, Maria Yelenevskaya (Jerusalem)</i>	
The favorite holiday: New Year celebration by émigrés in Israel	255

<i>Tatyana Larina</i>	
Ritual, degree of conventionalisation and communicative styles: an intercultural perspective	267
<i>Olga V. Novickaja (Antwerp)</i>	
The specificity of verbal forms of address in Russian and Dutch	279
<i>Tatyana E. Yanko</i>	
The prosody of liturgical discourse: Lord's Prayer in the Russian Orthodox and the Roman Catholic rites	287
 Part 4. Ritual in classical texts and traditional culture 	
<i>Olga E. Frolova</i>	
Ritual and proverb	305
<i>Elena J. Shmeleva</i>	
Speech etiquette in a Russian anecdote	319
<i>Valentina V. Vysockaya</i>	
Ritual and hierarchical markers in «The Overcoat» by Nikolai Gogol	327
<i>Ksenia V. Pyankova</i>	
Concerning food communicative functions (based on the Slavs language-cultural traditions)	337
<i>Natalia B. Pimenova</i>	
Verbal challenge to a fight in Ancient Germanic poetry	349
<i>Margarita A. Voronkina</i>	
Communicative interaction in archaic rite of sacrificial offering (on the linguistic material of the «Yajurveda»)	361
<i>Sofia V. Lahuti</i>	
Ritual in the medieval Persian epistolary communication (on the basis of Abulqasim Firdawsi's Shahnameh)	377
<i>Liudmila L. Fedorova</i>	
The graphic representation of gestures in the signs of ancient scripts	387
<i>Galina G. Ershova</i>	
Hidden Functions of Cacao in the Ancient Mesoamerica	409
<i>Anna A. Kotova</i>	
Classification of Shang Inscriptions Made on Turtle Shells	425

Part 5. Linguistic legacy*Juriy S. Martemjanov, Juliy A. Shreider*

Ritual and the Behaviour that is valuable as it is.

Introduction 445

Resume 475

Summary 489